

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2024.1.19

Original article

ШАДРИН Виктор Сергеевич
Санкт-Петербургская академия Следственного
комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vikt-shadr@yandex.ru;
<https://orcid.org/0009-0003-3054-157X>

SHADRIN Viktor Sergeevich
St. Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

ENSURING THE RIGHT TO FREEDOM OF MOVEMENT WHEN DETAINING
A CRIMINAL SUSPECT (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Аннотация. Задержание подозреваемого влечет за собой ограничение права личности на свободу передвижения, которое реально может начинаться с момента захвата лица на месте совершения преступления полицейскими или даже гражданами. УПК РФ для надлежащего обеспечения права на свободу передвижения предусмотрел в п. 11 и 15 ст. 5 необходимость исчисления срока задержания с момента фактического задержания, однако одновременно не ввел в УПК РФ соответствующую процедуру, вследствие чего указанные законоположения реально не работают. Поэтому требуется создание и использование уголовно-процессуального механизма, позволяющего исчислять срок задержания, предусмотренный Конституцией РФ, действительно с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. При этом желательно учитывать опыт существования подобных механизмов в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств. Цель: выявить причины существования в теории и практике российского уголовного судопроизводства проблем исчисления срока задержания лица по подозрению в совершении преступления с момента фактического задержания и обосновать возможные способы их устранения. В качестве методологической основы исследования использовался диалектический метод, а также методы сравнительного правоведения, историко-правовой, юридической интерпретации и логико-юридический. Результаты: установлена подоплека существования проблем исчисления срока задержания с момента фактического ограничения права лица на свободу передвижения, сопоставлены порядки исчисления срока задержания в России и зарубежных государствах, выдвинуты и обоснованы предложения по созданию уголовно-процессуального механизма надлежащего обеспечения права на свободу передвижения при задержании лица по подозрению в совершении преступления.

Abstract. The detention of a suspect entails restriction of the individual's right to freedom of movement, which may actually begin from the moment a person is seized at the crime scene by police officers or even citizens. In order to properly ensure the right to freedom of movement, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation stipulated in paragraphs 11 and 15 of Article 5 the necessity to calculate the period of detention from the moment of actual detention, but at the same time did not introduce a corresponding procedure in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as a result of which these legal provisions do not really work. It is therefore necessary to establish and use a criminal procedure mechanism that makes it possible to calculate the period of detention provided for by the Constitution of the Russian Federation from the moment of actual detention of a person on suspicion of committing a crime. It is desirable to take into account the experience of such mechanisms in the criminal procedure legislation of foreign states. Purpose: to find out the reasons for the existence of problems in the theory and practice of Russian criminal proceedings in calculating the period of detention of a criminal suspect from the moment of actual detention and substantiate possible ways to eliminate them. The dialectical method is used as a methodological basis of the research, as well as methods of comparative law, historical-legal, legal interpretation and logical-legal. Results: the article establishes the background of the problems of calculating the period of detention from the moment of actual restriction of a person's right to freedom of movement, it compares the procedures for calculating the period of detention in Russia and foreign countries. Proposals are made and substantiated for the establishment of a criminal procedure mechanism to ensure the right to freedom of movement when a criminal suspect is detained.

© Шадрин В.С., 2024

Ключевые слова: право каждого на свободу передвижения, задержание подозреваемого, процессуальные гарантии, проблемы уголовно-процессуального регулирования

Для цитирования: Шадрин В.С. Обеспечение права на свободу передвижения при задержании лица по подозрению в совершении преступления (сравнительно-правовой анализ) / В.С. Шадрин. – DOI 10.33184/pravgos-2024.1.19 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 151–160

Keywords: everyone's right to freedom of movement, detention of a suspect, procedural guarantees, problems of criminal procedure regulation

For citation: Shadrin V.S. Ensuring the right to freedom of movement when detaining a criminal suspect (comparative legal analysis). *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 151–160 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.1.19.

ВВЕДЕНИЕ

Право на свободу передвижения – одно из основных личных прав человека и гражданина. Его признание, соблюдение и защита являются обязанностью правового государства во всех сферах деятельности его органов, включая уголовное судопроизводство, где возможна реализация различных принудительных мер, по сути своей всегда представляющих собой определенное ограничение прав личности. К их числу, безусловно, относится предпринимаемое в связи с возникшим в отношении лица подозрением в совершении преступления его задержание, применение которого связано с рядом теоретических и правоприменительных проблем, требующих разрешения.

ОСНОВАНИЯ, ЗНАЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛИЦА, ЗАДЕРЖИВАЕМОГО В СВЯЗИ С ПОДОЗРЕНИЕМ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В соответствии с ч. 1 ст. 27 Конституции РФ каждый на территории России имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Вместе с тем права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Таким федеральным законом является основанный на Конституции УПК РФ, предусматривающий возможность в целях охраны и защиты конституционного строя, прав

и свобод человека и гражданина от преступных посягательств при осуществлении уголовного судопроизводства подвергать преследуемых за нарушения уголовного закона лиц мерам уголовно-процессуального принуждения, в том числе связанным с ограничением права на свободу передвижения. Указанные ограничения, исходя из ч. 1 ст. 1 УПК РФ, допустимы с обязательным учетом положений ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которым арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, а задержание как не терпящая отлагательства экстраординарная принудительная мера реагирования на выявление признаков причастности лица к совершению преступления может быть применено на строго ограниченный срок – не более 48 часов.

Установление столь короткого срока задержания призвано выступать в качестве законного средства минимизации возможного проявления неоправданного, произвольного принуждения в отношении подозреваемого лица в условиях отсутствия такой важной гарантии прав и свобод личности, как предшествующий судебный контроль правомерности применения данной меры принуждения. Однако реализация конституционного требования об ограничении задержания 48-часовым сроком в практике досудебного производства является проблематичной, а в теории уголовного процесса уже достаточно длительное время этот срок остается дискуссионным вследствие неоднозначной природы задержания и пробелов в правовой регламентации его применения.

Наиболее проблемным является определение момента, с которого начинается течение срока задержания. На первый взгляд, в уголовно-процессуальном законе вполне

недвусмысленно сказано, что задержание подозреваемого – мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления (п. 11 ст. 5 УПК РФ), а таковым моментом является «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления» (п. 15 ст. 5 УПК РФ). Но это именно только на первый взгляд. При более внимательном рассмотрении приведенных формулировок уголовно-процессуального закона в системном единстве их, как составных частей правового института задержания, с содержанием гл. 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого», где данный институт преимущественно и располагается, возникает ряд вопросов, не находящих однозначного ответа.

Дело в том, что порядок задержания, к которому отсылает п. 15 ст. 5 УПК РФ, предусматривает действия дознавателя и следователя при наличии регламентированных ст. 91 УПК РФ оснований задержания подозреваемого отнюдь не с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, а только после доставления задержанного в орган дознания или к следователю (ст. 92 УПК РФ). Ничего о действиях по фактическому задержанию лица в связи с возникшим в отношении него подозрением при изложении данного порядка не сказано, как и о том, что такие действия могут предприниматься (и реально, как правило, предпринимаются) вовсе не следователями или дознавателями, а «простыми» полицейскими, служащими других правоохранительных органов и даже гражданами, в силу общественной долга берущими на себя ответственность за задержание возможного преступника. Тогда где же об этом говорится? Оказывается, нигде. Ни в других разделах уголовно-процессуального закона, ни в иных законодательных актах, в частности в КоАП РФ, ни в законах «О полиции», «О войсках национальной гвардии» и т. п., где на случай задержания подозреваемого упоминаются нормы, отсылающие к УПК РФ. По существу, деятельность, связанная с фактическим задержанием лица по подозрению в совершении преступления, оказалась в правовом вакууме, ничейной, или «серой», зоне,

что порождает различные суждения о ее характере, значении и результатах.

Еще в советскую эпоху российского уголовного процесса почти традиционным стало выделять в задержании две взаимосвязанные, но как бы относительно самостоятельные части – собственно процессуальную и непроцессуальную (предпроцессуальную). При этом процессуальное задержание, в отличие от непроцессуального, считалось допустимым исключительно после возбуждения уголовного дела. Так, А.А. Чувилев совершенно недвусмысленно разъяснял по данному поводу: «Отсутствие постановления о возбуждении дела означает, что задержание произведено незаконно» [1, с. 14]. В подобных случаях под задержанием подразумевался кратковременный арест лица в порядке ст. 122 УПК РСФСР с помещением его в изолятор временного содержания (ИВС). Предшествующие аресту действия по фактическому задержанию лица вполне могли совершаться до возбуждения уголовного дела и не принимались во внимание в качестве влекущих юридические последствия, поскольку считались непроцессуальными. Согласно устоявшимся представлениям об этом «задержание в процессуальном смысле следует отличать от задержания, которым обозначается фактическое ограничение свободы лица, сопряженное с физическим задержанием и доставлением последнего, например, в орган милиции и осуществляемое любым работником органа дознания, постовым или патрульным милиционером, членом ДНД, иными гражданами. Такое доставление является либо административным, либо общественным актом и не носит уголовно-процессуального характера» [2, с. 5], а раз так, то и не подлежит регулированию уголовно-процессуальным законом.

Вместе с тем, видимо, осознание как теоретиками, так и практиками того, что происходящее до «процессуального задержания» ограничение свободы передвижения данного лица в результате фактического (физического) задержания игнорировать сложно, привело к появлению половинчатой позиции, получившей закрепление в Положении о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, исходящей из целесообразности считать отправной точкой для исчисления срока задержания не начало пребывания задержанного в ИВС,

но и не начало его фактического задержания, а момент доставления лица в орган дознания или к следователю¹, на что практика расследования преступлений и стала безоговорочно ориентироваться.

Подобный подход и сейчас не утратил своего значения, воспринят и продолжен в исследованиях многих процессуалистов. Как утверждает О.И. Цоколова, «задержание подозреваемого является процессуальным действием с того момента, когда лицо доставлено к следователю (в орган дознания). Именно с этого момента начинается фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения по процессуальным основаниям, именно с него следует исчислять срок задержания и указывать это время в протоколе задержания» [3, с. 26]. Сходного мнения придерживаются и другие авторы [4, с. 79]. По этому пути предпочитает идти и практика досудебного производства. В графе протокола задержания, предназначенной для отражения времени задержания, следователи и дознаватели вместо момента фактического задержания, как правило, фиксируют момент доставления заподозренного в орган предварительного следствия или дознания. При этом обращающиеся с жалобой в прокуратуру на подобную метаморфозу получают разъяснение: так и должно быть [5, с. 47].

В то же время существует и иная точка зрения, согласно которой все действия по ограничению права лица на свободу передвижения в связи с выяснением его причастности к совершению преступления изначально относятся к сфере уголовного процесса, поэтому нуждаются в урегулировании нормами уголовно-процессуального права, соответственно, «фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления и его доставление к месту производства предварительного расследования должны осуществляться в рамках уголовно-процессуальной юрисдикции уполномоченных лиц» [6, с. 11]. Исходя из того, что фактическое задержание является начальным этапом задержания процессуального, срок задержания подлежит исчислению с начала физического («уличного») задержания подозреваемого лица [7], что представляется более правильным, поскольку иначе во-

прос о времени ограничения права на свободу передвижения с момента фактического задержания лица до момента доставления оставляется целиком на усмотрение правоприменителя, следовательно, данное право нельзя считать обеспеченным в должной мере.

Чтобы попытаться сдвинуть обозначенную застаревшую и пока безрезультативную дискуссию с мертвой точки, памятуя известную аксиому о том, что «все познается в сравнении», попробуем обратиться к анализу правовой регламентации фактического задержания подозреваемого в зарубежных государствах.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Прежде всего, видимо, стоит обратить внимание на особенности уголовно-процессуальной регламентации задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в государствах ближнего зарубежья, поскольку они длительное время находились вместе с Россией в составе Советского Союза и их уголовно-процессуальные законы, как и УПК РСФСР, создавались на базе общих для них всех и России Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Как показывает изучение уголовно-процессуального законодательства указанных государств, термин «фактическое задержание» в разной интерпретации и с изложением различных условий задержания используется, в частности, в УПК Азербайджанской Республики², УПК Республики Беларусь³, УПК Республики Казахстан⁴, УПК Республики Узбекистан⁵.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280#pos=6 (дата обращения: 20.01.2024).

3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414958#pos=6 (дата обращения: 20.01.2024).

4 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852#pos=3 (дата обращения: 20.01.2024).

5 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421101#pos=5 (дата обращения: 20.01.2024).

1 Положение о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР 13.07.1976, ст. 3 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29, ст. 426.

Наиболее информативно данный термин (понятие) излагается в УПК Республики Казахстан: «фактическое задержание – ограничение свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или остаться на месте и так далее), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, с момента с точностью до минуты, когда указанные ограничения стали реальными, независимо от придания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур» (п. 29 ст. 7).

Основания задержания лица по подозрению в совершении преступления в указанных государствах примерно такие же, как и в России (ст. 91 УПК РФ). Уголовно-процессуальное законодательство всех этих государств непосредственно в разделах (главах) о задержании как мере процессуального принуждения и порядке его применения предусматривает обязательность исчисления срока задержания с момента фактического задержания, при этом в УПК Узбекистана используется следующая формулировка: «Срок задержания составляет не более сорока восьми часов с момента фактического задержания лица (момент фактического ограничения его прав на свободное передвижение)» (ч. 1 ст. 226).

Вопрос о возможном круге должностных лиц соответствующих органов государства, производящих фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления, в уголовно-процессуальном законодательстве упомянутых государств решен с различной степенью учета нюансов ситуации, реально возникающей при осуществлении задержания. В УПК Азербайджана к числу таких должностных лиц отнесены дознаватель, другой сотрудник органа дознания, следователь или прокурор (п. 2 ст. 148). Кто такой сотрудник органа дознания, в данном УПК не раскрывается, судя по всему, под ним подразумевается сотрудник, которому руководитель органа дознания поручает при необходимости исполнение обязанностей дознавателя. Поскольку и в Азербайджане, вне всякого сомнения, фактическое задержа-

ние, например, «если лицо поймано при совершении деяния, предусмотренного уголовным законом, или непосредственно после этого» (п. 2.1. ст. 148 УПК), могут осуществлять служащие различных правоохранительных органов, проблема правовой регламентации передачи задержанного «по эстафете» от должностного лица, выполняющего, допустим, функции по охране общественного порядка, следователю или дознавателю для последующего составления протокола является актуальной, требующей разрешения.

Наличие аналогичной проблемы дает основание констатировать и анализ УПК Казахстана, согласно которому полномочиями по задержанию подозреваемого наделяются должностные лица органа уголовного преследования (ч. 2 ст. 128), а таковыми являются «прокурор (государственный обвинитель), следователь, орган дознания, дознаватель» (п. 23 ст. 7). На деле перечисленные должностные лица сами практически никогда не производят фактическое задержание, но именно на них возлагается обязанность составлять протокол задержания, служащий юридическим основанием для водворения задержанного в место кратковременного лишения свободы (изолятор) и являющийся непременным атрибутом задержания «процессуального». Данная ситуация во многом, если не целиком, отражает проблему, рассмотренную в предыдущем разделе данной статьи применительно к правовой регламентации и практике фактического задержания подозреваемого в России. Однако надо отдать должное казахстанскому законодателю – негативное значение данной проблемы сглаживается проявлением повышенного внимания к такому элементу задержания, как доставление. Согласно ст. 129 УПК Казахстана «доставление – мера процессуального принуждения, применяемая на срок не более трех часов в целях выяснения причастности лица к уголовному правонарушению». При подтверждении причастности лица к уголовному правонарушению орган уголовного преследования вправе осуществить задержание в порядке ст. 131, которая называется «Порядок процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении уголовного правонарушения» и предусматривает, что

срок доставления включается в общий срок задержания, который может варьироваться от 24 до 72 часов в зависимости от личности задержанного и тяжести преступления, в котором он подозревается.

Более приемлемым и достойным внедрения в российское уголовное судопроизводство представляется правовое регулирование задержания во всех его компонентах, включая задержание фактическое (захват), в Беларуси. Согласно ст. 110 белорусского УПК немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом (любым!), осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указываются основания, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), результаты личного обыска, а также время составления протокола. Протокол объявляется задержанному, ему разъясняются его права, в том числе право пригласить защитника и давать показания в его присутствии, что отмечается в протоколе. Протокол подписывается лицом, его составившим, и задержанным. Орган дознания, следователь, прокурор в течение трех часов с момента доставления подозреваемого в орган уголовного преследования принимают решение о задержании, о чем выносится постановление, которое является правовым основанием для кратковременного содержания задержанного под стражей в местах и на условиях, предусмотренных законом, либо принимают решение об освобождении задержанного.

Завершая анализ основных особенностей обеспечения права на свободу передвижения лица, подозреваемого в преступлении, в государствах ближнего зарубежья, желательнее обратить внимание также на наличие регламентации задержания возможного преступника частными лицами (гражданами) непосредственно в уголовно-процессуальном законодательстве, что представляется вполне оправданным. Так, в ст. 109 УПК Республики Беларусь «Право граждан на захват лица, совершившего преступление» предусматривается, что каждый гражданин имеет право захватить и принудительно доставить в орган власти лицо, застигнутое им при совершении преступления или при попытке скрыться непосредственно после его совер-

шения. В случае оказания сопротивления лицом, указанным в ч. 1 настоящей статьи, к нему могут быть применены меры подавления сопротивления в пределах мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В случаях, если имеются основания полагать, что при захваченном лице находятся оружие либо предметы, имеющие значение для уголовного дела, захвативший его гражданин может осмотреть одежду задержанного и изъять для передачи в орган уголовного преследования находящиеся при нем предметы. Похожие правила предусмотрены ст. 130 УПК Республики Казахстан, ст. 149 Азербайджанской Республики и ст. 222 УПК Республики Узбекистан.

Подобный подход к обеспечению права на свободу передвижения при возникновении в отношении лица подозрения в совершении преступления и наличии оснований для его задержания применяется и в государствах дальнего зарубежья. Например, уголовно-процессуальное законодательство Швейцарии не предусматривает ни понятия подозреваемого, ни понятия «фактическое задержание», но в действительности то, что подпадает под эти понятия, существует, хотя и в отражающем национальный колорит виде.

Аналогом фактического задержания можно считать так называемое «предварительное задержание, производимое полицией» (ст. 215 УПК Швейцарии⁶). Но полиция производит задержание, именуемое уголовно-процессуальным, когда выявляется перспектива возможного заключения лица, причастного к преступлению, под стражу (ст. 217 УПК Швейцарии), что влечет за собой решение вопроса о передаче задержанного прокурору. При этом освобождение или доставление лица в прокуратуру производится не позднее 24 часов; если после предварительного задержания следует уголовно-процессуальное задержание, то его продолжительность засчитывается в данный срок (ч. 2 ст. 219 УПК Швейцарии). Предварительное задержание может производиться частными лицами, которые должны передать задержанного полиции настолько быстро, насколько это возможно (ст. 218 УПК Швейцарии).

6 Принят 05.10.2007, вступил в силу 01.01.2011.

ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И УСЛОВИЯ ДЛЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Автору предпринятого сравнительно недавно солидного исследования современного состояния правового регулирования задержания подозреваемого, С.Б. Россинскому, выход из лабиринта затронутых проблем видится «в создании единого, унифицированного, межотраслевого механизма, позволяющего имплементировать конституционно-правовые стандарты вынужденного ограничения государством права на свободу и личную неприкосновенность в полномочия различных правоохранительных органов по фактическому задержанию и доставлению лица в орган дознания или к следователю» [8, с. 93], который предлагается закрепить в межотраслевом нормативном акте – федеральном законе «О задержании» [8, с. 175]. В качестве обоснования вывода о необходимости размещения механизма правового регулирования фактического задержания лица в законе межотраслевого характера, а не в собственно уголовно-процессуальном, как предлагается рядом российских процессуалистов, приводятся соображения о том, что конституционному режиму, предопределяемому ст. 22 Конституции РФ, совершенно не важно, предметом какой правовой отрасли должны быть правоотношения, возникающие в ходе захвата и доставления потенциального подозреваемого, поскольку фактическим задержанием ограничивается не уголовно-процессуальное, а именно конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, имеющее прямое действие. Исходя из этого, по мнению автора, нормы УПК РФ о задержании подозреваемого, его статья 10, содержащая изложение принципа неприкосновенности личности, не содержат никакого сугубо процессуального смысла, они лишь внедряют конституционные идеи о свободе и личной неприкосновенности в орбиту уголовно-процессуальных отношений, чем демонстрируется, что в данном случае имеют место условия непосредственного (прямого) применения Конституции РФ, когда закрепленные в ней положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной

регламентации. Поэтому получается, что законодатель и не видел необходимости детализировать все связанные с фактическим задержанием лица действия в самом уголовно-процессуальном законе [8, с. 92].

Подобная аргументация представляется небезупречной, и вот почему. Во-первых, императив прямого действия Конституции РФ, как показала практика его реализации, является безусловно обязательным лишь для законодателя, формулирующего в федеральных законах основанные на Конституции правовые предписания, адресованные субъектам их применения в сфере соответствующих отраслей права. В сфере действия права уголовно-процессуального таковым является УПК РФ, о чем конкретно сказано в ч. 1 его ст. 1. Правоприменитель же реализует конституционные требования посредством осуществления соответствующих положений закона, конкретизирующих конституционные нормы применительно к данной сфере деятельности. Как убедительно показал более 10 лет назад Л.В. Головкин при рассмотрении проблем конституционализации российского уголовного процесса, «конституционные нормы не имеют в нем прямого действия, о чем следует сказать прямо и открыто, т. е. без дипломатических экивоков, деклараций и лозунгов» [9, с. 84]. Более поздние исследования дополнительно подтверждают правоту данного вывода [10, с. 84]. Вряд ли законодатель был настолько наивен, чтобы указанный фактор не учитывать.

Во-вторых, уголовное судопроизводство изначально имеет своим предназначением установление уголовно-правовых отношений, возникающих между государством и нарушителем уголовно закона – преступником – в момент совершения преступления, посредством уголовно-процессуальной деятельности со стадии возбуждения уголовного дела до вынесения в отношении лица, фигурирующего в уголовном процессе последовательно в качестве подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного, обвинительного приговора суда и вступления его в законную силу. Поскольку задержание лица для выяснения его причастности к совершению преступления, безусловно, «предполагает наличие развивающегося уголовно-правового отношения» [11, с. 3], установление которого – пре-

рогатива уголовного процесса, действия по задержанию подозреваемого должны быть отнесены к сфере уголовного судопроизводства и, соответственно, урегулированы уголовно-процессуальными нормами, содержащимися в уголовно-процессуальном законе.

И.Л. Петрухин более трех десятилетий назад указывал, что регламентацию задержания подозреваемого «необходимо отнести к уголовно-процессуальной юрисдикции» [12, с. 19]. Позже, в период обсуждения и создания новых Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик, он, как автор раздела указанных Основ о задержании, предложил законодателю детализированную уголовно-процессуальную процедуру задержания подозреваемого с первого момента выявления признаков его причастности к преступлению, включая задержание, именуемое сейчас фактическим [13, с. 90–94]. К сожалению, эта процедура оказалась неостребованной вследствие развала Советского Союза и недооценки ее значимости впоследствии, в том числе, возможно, из-за сформировавшейся в советскую эпоху доктринальной позиции, согласно которой на стадии возбуждения допускался минимум действий, и процессуальный характер таких действий ставился под сомнение.

С учетом результатов исследований в науке современного российского уголовного процесса, содержащих различные варианты решения рассмотренных выше проблем, отказа от прежнего постулата о недопустимости каких бы то ни было действий правоограничительного характера на стадии возбуждения уголовного дела, что получило в 2013 г. наглядное отражение в современной редакции ст. 144 УПК РФ, а также опыта уголовно-процессуального регулирования ограничения права лица на свободу передвижения при его задержании в зарубежных государствах, представляется более предпочтительным согласиться с предложениями по внедрению в российское уголовно-процессуальное законодательство правового механизма в виде алгоритма последовательно совершаемых соответствующими должностными лицами действий по ограничению права лица на свободу передвижения при его фактическом задержании, начиная со стадии возбуждения уголовного дела.

Такой правовой механизм разработан, в частности, Б.Б. Булатовым. В уточненной им редакции гл. 12 УПК РФ предлагается предусмотреть, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано и доставлено в полицию (ранее – милицию) или другой правоохранительный орган сотрудником соответствующего органа, а также любым дееспособным гражданином. Установив непосредственно со слов очевидцев, потерпевших наличие одного из оснований, указанных в ст. 91 УПК РФ, сотрудник полиции, другое должностное лицо правоохранительного органа или гражданин сообщают подозреваемому, что он задерживается за совершение преступления, и предлагают ему следовать в надлежащий правоохранительный орган. При наличии оснований полагать, что задержанный имеет при себе оружие либо пытается скрыть или уничтожить доказательства, уличающие его в совершении преступления, задерживающее должностное лицо вправе провести личный досмотр (обыск) подозреваемого и изъять имеющиеся у него предметы, документы. Доставка должна быть осуществлена в возможно короткий срок. Применение физической силы, специальных средств и оружия при задержании и доставлении подозреваемого допускается при наличии условий и в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. При доставлении в полицию подозреваемый передается дежурному или его помощнику для оформления и проверки обстоятельств задержания. Должностные лица, осуществившие задержание и доставку подозреваемого, составляют рапорт с указанием в нем места, времени (в часах и минутах) задержания и доставления, оснований и обстоятельств задержания, сведений о задержанном, потерпевшем, очевидцах, результатах личного обыска и другие данные, имеющие значение для проверки причастности задержанного к преступлению. При задержании и доставлении подозреваемого гражданами им предлагается написать объяснение с указанием в нем сведений, перечисленных выше. О задержании и доставлении подозреваемого в полицию в срок не позднее одного часа составляется протокол с указанием в нем: кто, кем, когда, при каких обстоятельствах и по каким предусмотренным законом

основаниям задержан; в совершении какого преступления подозревается задержанный; время его доставления. Протокол удостоверяется подписями дежурного по органу полиции или его помощника, должностного лица или гражданина, осуществивших задержание, и задержанного. После составления протокола о задержании и доставлении задержанный и имеющиеся о нем материалы немедленно передаются дознавателю, следователю для проверки причастности подозреваемого к совершению преступления, решения вопроса о возбуждении уголовного дела, установления оснований для применения в отношении лица последующих мер по ограничению его свободы. Дознаватель, следователь получают объяснения у задержанного, очевидцев происшествия, производят иные действия для выяснения причастности лица к преступлению. По окончании проверки, которая может длиться не более 3 часов с момента составления протокола и доставления задержанного, следователь выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и освобождении задержанного либо о возбуждении в отношении него уголовного дела и продолжении задержания уже в порядке, предусмотренном ст. 92 УПК РФ, с водворением подозреваемого в ИВС [14, с. 298–300]. К изложенному представляется возможным лишь добавить, что при фактическом задержании лицу долж-

но быть объявлено его право пользоваться услугами защитника. Также стоит обратить внимание на то, что составление протокола задержания и доставления непосредственно по доставлении задержанного в соответствующий правоохранительный орган и непосредственно с участием лиц, осуществивших задержание, может заметно усиливать эффект от использования данного протокола в качестве источника информации, способной иметь доказательственное значение, на что обоснованно обращается внимание в юридической литературе [15, с. 65].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обеспечение права на свободу передвижения при задержании лица в связи с возникшим в отношении него подозрением в совершении преступления в российском уголовном судопроизводстве в настоящее время урегулировано в недостаточной степени, для устранения чего необходимо, с учетом анализа зарубежного опыта законодательства в сфере уголовного судопроизводства, предусмотреть непосредственно в УПК РФ подробную уголовно-процессуальную регламентацию задержания лица по подозрению в преступлении с момента фактического задержания с последующим доставлением задержанного в соответствующие правоохранительные органы.

Список источников

1. Чувилев А.А. Прокурорский надзор за исполнением законов при задержании подозреваемых : учебное пособие / А.А. Чувилев. – Москва, 1999. – 36 с.
2. Шимановский В.В. Законность задержания лиц на предварительном следствии : лекция / В.В. Шимановский. – Ленинград, 1988. – 32 с.
3. Цоколова О. Фактическое задержание / О. Цоколова // Законность. – 2006. – № 3. – С. 25–28.
4. Тешебаев Э. Соблюдение срока задержания лица по подозрению в совершении преступления / Э. Тешебаев // Закон и право. – 2011. – № 7. – С. 78–79.
5. Барабаш А. Начало исчисления срока задержания по подозрению в совершении преступления / А. Барабаш // Законность. – 2011. – № 1. – С. 47–48.
6. Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.С. Березина. – Москва, 2009. – 30 с.
7. Панокин А.М. Задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве / А.М. Панокин // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 4. – С. 83–90.

REFERENCES

1. Chuvilev A.A. Prosecutor's supervision over the implementation of laws during the detention of suspects. Moscow, 1999. 36 p.
2. Shimanovsky V.V. Legality of detention of persons during preliminary investigation. Leningrad, 1988. 32 p.
3. Tsokolova O. Actual detention. *Zakonnost' = Zakonnost*, 2006, no. 3, pp. 25–28. (In Russian).
4. Teshebaev E. Compliance with the period of detention of a person on suspicion of committing a crime. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2011, no. 7, pp. 78–79. (In Russian).
5. Barabash A. Beginning of calculation of the period of detention on suspicion of committing a crime. *Zakonnost' = Zakonnost*, 2011, no. 1, pp. 47–48. (In Russian).
6. Berezina E.S. Detention of a suspect as an institution of criminal proceedings. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2009. 30 p.
7. Panokin A.M. Detention of a suspect in criminal proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2013, no. 4, pp. 83–90. (In Russian).

8. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход : монография / С.Б. Россинский. – Москва : Проспект, 2019. – 192 с.
9. Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью / Л.В. Головкин // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 83–94.
10. Шадрин В.С. Конституционализация российского уголовного судопроизводства: понятие, формы, проблемы и значение / В.С. Шадрин // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 2. – С. 105–112.
11. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография / К.В. Муравьев. – Омск, 2017. – 228 с.
12. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / И.Л. Петрухин. – Москва, 1989. – 256 с.
13. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. и с предисл. В.М. Савицкого. – Москва : ИГиП АН СССР, 1990. – 316 с.
14. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография / Б.Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
15. Тарасов А.А. С.А. Шейфер о познавательной сущности задержания подозреваемого / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 63–67.
8. Rossinsky S.B. Detention of a suspect: a constitutional intersectoral approach. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 192 p.
9. Golovko L.V. The constitutionalization of Russian criminal procedure: between slogans and reality. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no. 12, pp. 83–94. (In Russian).
10. Shadrin V.S. Constitutionalization of Russian criminal proceedings: concept, forms, problems and significance. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 2, pp. 105–112. (In Russian).
11. Muravyov K.V. Measures of procedural coercion as special means of criminal law enforcement: doctrine, application, optimization. Omsk, 2017. 228 p.
12. Petrukhin I.L. Personal integrity and coercion in criminal proceedings. Moscow, 1989. 256 p.
13. Savitsky V.M. (ed.). Criminal procedural legislation of the USSR and RSFSR. Theoretical model. Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences Publ., 1990. 316 p.
14. Bulatov B.B. State coercion in criminal proceedings. Omsk, 2003. 320 p.
15. Tarasov A.A. S.A. Shafer on the cognitive essence of detaining a suspect. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 63–67. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шадрин Виктор Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления следственной деятельности (высшие академические курсы).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shadrin Viktor Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Investigative Activity Management (higher academic courses).

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024. The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.